
DOI 10.15826/qr.2016.2.160

УДК 81:75.051Серов+316.613.4+316.622

ОЧЕРЕДЬ НА СЕРОВА: ФЕНОМЕН РУССКОСТИ*

Ирина Вепрева,

Наталия Купина

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

THE QUEUE FOR SEROV: THE PHENOMENON OF RUSSIANNESST**

Irina Vepreva,

Natalia Kupina

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Referring to mass media materials for January, 2016 and a variety of Internet sources, the authors consider some statements and texts describing and estimating a cultural event – an exhibition organized by the Tretyakov Art Gallery and devoted to the 150th birthday anniversary of artist Valentin Serov (October, 2015 – January, 2016). The public's tempestuous reaction caused by hours-long queuing in the frost in January was reflected in the mirror of language. As a result, *the queue for Serov* started being used as a set expression in speech. The purpose of the paper is to put forward an interpretation of the mental puzzle of the queue to see Serov's works pointing out the manifestations of the phenomenon of Russianness, with reference to a linguo-cultural analysis of the speech and text corpus, reflecting the shock situation in question. The article is structured according to the analytical answers to questions, representing public opinion: *Why do people queue? Why do people queue to see Serov? What did the queue for Serov demonstrate?* The article systematizes comments of art critics, cultural studies scholars, philologists, journalists, and

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-04-00239а. Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006.

** Citation: Vepreva, I., Kupina, N. (2016). The Queue for Serov: the Phenomenon of Russianness. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 2, p. 95–108. DOI 10.15826/qr.2016.2.160.

Цитирование: Vepreva I., Kupina N. The Queue for Serov: the Phenomenon of Russianness // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 2. P. 95–108. DOI 10.15826/qr.2016.2.160 / Вепрева И., Купина Н. Очередь на Серова: феномен русскости // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 2. С. 95–108. DOI 10.15826/qr.2016.2.160.

also people who queued to see the exhibition. “Serov passion” enabled the authors to reveal such sides of Russianness as the stability of the rational and the irrational dichotomy, the perception of the irrational as a natural thing, a tendency to joint thinking, sympathy, empathy, a combination of patience and quick temperedness, the domination of the spiritual over the material, the life-asserting need for the beautiful, as well as to catch the energy of the common emotional and aesthetic choice, and feel the genuine nature of the common drive. The analysis demonstrates that all these lead to the emergence of a conceptual metaphor “the queue for Serov is Russia”, based on stereotypes of national exceptionality, and uniqueness. In accordance with the laws of carnivalization, the bias of this conceptualization is burlesqued. Furthermore, the authors reveal another facet of the phenomenon of Russianness, i. e. self-irony that makes not only the latest case-law situation its object, but also the sore spots of modern Russian space – political, economic, legal, and social.

Ключевые слова: linguo-cultural analysis; axiological marking; Valentin Serov; mentality; situation; value; (self-)irony.

В статье на основе материалов СМИ и Интернета за январь 2016 г. рассматриваются высказывания и тексты, описывающие и оценивающие культурное событие – организованную Третьяковской галереей выставку, посвященную 150-летию со дня рождения художника Валентина Серова (октябрь 2015 – январь 2016 г.). В зеркале языка отразилась бурная общественная реакция, вызванная январскими многочасовыми очередями на морозе. В речи активизировалось ставшее устойчивым словосочетание *очередь на Серова*. Целевая установка исследования – на основе лингвокультурологического анализа корпуса высказываний и текстов, отражающих референтную шоковую ситуацию, предложить интерпретацию ментальной загадки «очереди на Серова», отметив проявления феномена русскости. Статья структурируется в соответствии с представляющими общественное мнение аналитическими ответами на вопросы: *Почему люди стоят в очереди? Почему люди стоят в очереди на Серова? Что показала очередь на Серова?* Специально систематизируются комментарии искусствоведов, культурологов, филологов, журналистов, а также людей, стоящих в очереди на выставку. «Страсти по Серову» позволили выявить такие грани русскости, как устойчивость дихотомии рационального и иррационального, восприятие иррационального как должного, склонность к сомышлению, сочувствию, сопереживанию, сочетание терпеливости и эмоциональной несдержанности, примат духовного над материальным, жизнеутверждающая тяга к прекрасному, стремление заразиться энергией общего эмоционально-эстетического выбора, ощутить неподдельность общности единомышленников. В ходе анализа демонстрируется основанное на стереотипах национальной исключительности, уникальности формирование концептуальной метафоры «очередь на Серова – это Россия». Тенденциозность концептуализации, носящей пафосный характер, по закону карнавализации подвергается осмеянию. Параллельно выявляется еще одна грань феномена русскости – самоирония,

объектом которой становится не только новейшая прецедентная ситуация, но и болевые точки современного российского пространства – политического, экономического, правового, социального.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ; аксиологическая маркированность; Валентин Серов; менталитет; ситуация; ценность; (само)ирония.

В речевом обиходе начала 2016 г. вновь активизировалось слово *очередь*, концептуальная единица советского лексикона. Причиной возвращения советизма в постсоветский словарь стал событийный шок – ажиотажный интерес к выставке, организованной Третьяковской галереей на Крымском Валу и посвященной 150-летию со дня рождения Валентина Серова. Выставка открылась 7 октября 2015 г., должна была закрыться 7 января 2016 г. Сначала дату окончания экспозиции продлили до 17 января, затем перенесли на 24 января, а потом – на 30 января. Завершилась выставка так называемой «ночью Серова», то есть работой «до последнего посетителя». А посетило выставку почти полмиллиона человек, стоявших в последний месяц в многочасовых очередях на морозе. Ощущение событийного шока передается в газетных заголовках (*Чрезвычайный Серов / Чрезвычайная выставка*) и журналистских комментариях: *Атмосфера в соцсетях накалилась до такой степени, что стала напоминать сводки с боевых действий* (Российская газета. 25.01.2016)¹.

Номинативной единицей, отражающей референтную ситуацию, стало словосочетание *очередь на Серова*. Осмысляя событие в целом, приходишь к выводу, что новая номинация явилась единицей, отражающей феномен русскости. Задача настоящей статьи – на основе материалов СМИ за январь 2016 г. (поисковая база данных Integrum.ru) и Интернета (социальная сеть Facebook, интернет-издания) обратиться к лингвокультурологическому анализу загадки очереди на Серова в ее соотношении с очередью советской.

Историческую память лексема *очередь* (далее – *о.*) приобрела в значении «группа людей, вставших один за другим для получения чего-н. в последовательном порядке» [ТСУ, т. 2, с. 1031]. Для советского времени очередь – существенный элемент повседневной жизни. В языковом сознании советского человека сложилось обиходное культурно-специфическое восприятие очереди. В ситуации всеобщего дефицита стереотипными были вопросы: *За чем стоите? / За чем очередь?* Предсказуемы типичные ответы, обнаруживающие вынужденное или же добровольное стояние людей в очередях, а также характер коллективных ценностных ориентаций. Ср., например: *о. за хлебом, о. за молоком, о. за колбасой; о. за джинсами; о. в мавзолей; о. за билетами в театр / на концерт / на выставку, о. за талонами на собрание сочинений Бальзака*. Советские люди вынуждены были

¹ Здесь и далее ссылки на цитируемые материалы приводятся в круглых скобках с указанием издания и даты публикации.

стоять в очередях за продуктами, чтобы прокормить семью. Между тем, отмеченная выше лексическая сочетаемость отражает стремление одеться по моде, соответствовать идеологическим требованиям времени, утолить интеллектуальный и эстетический голод.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в одной из работ предлагают интерпретацию концепта «очередь» с опорой на методику речеповеденческих тактик [Верещагин, Костомаров, с. 51–64]. Сложившиеся речевые стереотипы, которые манифестируют индивидуальные и коллективные тактики поведения в советской очереди, по мнению авторов, перешли в область «лингвострановедческой археологии» [Там же, с. 4]. С этим мнением можно согласиться лишь отчасти, поскольку очередь на Серова в трансформированном виде, сохраняя черты русскости, воспроизводит стереотипные речения советской очереди.

Концептуальная структура советской очереди включала два взаимосвязанных компонента: «количество людей в очереди» и «время, проведенное в очереди». Речеповеденческие тактики обусловлены целевой установкой нахождения человека в очереди. Советская действительность порождала разные типы очередей: *живая, по списку, по талонам, в кассу, к прилавку, продовольственная, колбасная, винная, промтоварная*. Очередь уподоблялась живому существу, которое, чувствуя себя дискомфортно, проявляет коллективизм и дорожит временем.

В постсоветские годы неактуальными стали понятия «дефицитные товары», «погоня за дефицитом» [Мокиенко, Никитина, с. 162]. Обыденное визуальное восприятие улиц российских городов в наши дни исключает длинные очереди. В этой связи объяснимо крайнее потрясение прохожих, увидевших многотысячную очередь в музей. Вот одно из типичных сообщений интернет-пользователя, сопровождающее сделанную им фотографию: *Очередь на выставку, я в шоке!*

В текстах СМИ обсуждается техническая сторона организации выставки: *На выставку стояли две очереди: одна за обычными билетами, а другая для тех, кто купил билеты в Интернете* (РБК. 21.01.2016). Говорят и пишут об *обычниках* (они стоят в живой очереди) и *электронниках*. Поражает не только длина очереди, но и терпение людей, которым приходится несколько часов стоять на морозе. Типичный газетный заголовок: *Пять часов на морозе в очереди за прекрасным* (Комсомольская правда. 23.01.2016). Корреспондент «Мосленты» сообщает, что *первая очередь, в кассу, днем 21 января растянулась на 400–500 м от Садового кольца. Вторая очередь из посетителей с билетами была короче в три раза, однако, чтобы попасть на выставку, людям приходилось стоять в очереди более трех часов*. Вот слова одного из посетителей выставки: *Мы стояли в очереди четыре с половиной часа. Ни одна из очередей не продвигалась* (РБК. 21.01.2016).

На этом фоне ожидаемым оказывается взрыв нетерпения: *Люди, стоящие в очереди на выставку художника Валентина Серова, которая проходит в Центральном доме художника (ЦДХ) на Крымском*

Валу в Москве, **устроили потасовку** на входе в музей (РБК. 22.01.2016); Как сообщил в Twitter корреспондент издания Meduza Илья Азар, **люди в очереди на Серова** выломали одну из дверей; В результате **давки** у входа в музей **двери музея не выдержали натиска** и погнулись из-за того, что в них стучались желающие посетить выставку; В очереди на Серова – ад. **Народ сломал одну дверь, давка, женщины визжат**, в другой очереди к несломанной двери **все скандируют «от-кры-вай»** (Комсомольская правда. 22.01.2016). Ср. речевые стереотипы советской очереди: *Во напирают!; Что вы давитесь! Не наваливайтесь!; Я не виноват: сзади напирают; Ой, ребра ломаете!*

Проявляется подмеченная философom «бунтарская стихия в русском народе» [Бердяев, с. 312], которая причудливым образом сочетается с готовностью безропотно переносить трудности: **Километровые очереди не уменьшаются. И это несмотря на температуру до –14°**. <...> многие пришли в горнолыжных штанах, «дутых» ботинках, валенках (Московский комсомолец. 23.01.2016). Журналисты фиксируют реплики и комментарии людей, стоящих в очереди: – **Даже если нужно будет пять часов стоять, мы готовы**, – рассказала «МК» группа женщин из хвоста очереди. Более того, люди приходили по два-три раза (Московский комсомолец. 23.01.2016).

Участники события описывают создавшуюся в очереди атмосферу: **Люди посмеивались над морозом и над собой. Отпускали друг друга в тепло и потом кричали хором: Вы здесь стояли!** Ныли, конечно, но с учетом погоды и повода (**не за хлебом все ж!**) товарищи по форс-мажору вызвали самые теплые чувства (Новая газета. 25.01.2016). Ср. речевые стереотипы советской очереди: *Нет, вы здесь не стояли!; Вас здесь не стояло; Не надо было отходить!; Ничего не знаем!*

Очевидцы постоянно сопоставляют советскую очередь и очередь на Серова: **Вот эта средней руки Москва, стоящая на выставку и спешащая в театр, наплевав на мороз и на курс валюты, эта Москва, не убитая ни 1920-ми, ни 1930-ми, ни 1990-ми, ни бездуховным процветанием, Москва учителей и менеджеров средней руки, Москва, накопившая** (как оказалось) **не только быттехнику, но и взаимную доброжелательность** (у нас в очереди было так!) – она существует. И это, пожалуй, самое неожиданное, что я увидела на выставке Серова (Новая газета. 25.01.2016).

В конце января 2016 г. главной темой недели, по заключению обозревателя радиостанции «Эхо Москвы», стала «очередь на Серова». Обсуждались актуальные вопросы: *Почему люди стоят в очереди? / Почему стоят в очереди на Серова? / Что показала очередь на Серова?* Эти вопросы и будут композиционно структурировать нашу работу.

«Страсти по Серову» встречают рациональное понимание, эмоциональный отклик, получают общественный резонанс. Так, признавая собственные организационные просчеты, представители руководства Третьяковской галереи обещают в следующий раз... **прибегнуть к европейской практике и вводить сеансы** – как в кино, когда зрите-

ли покупают билеты на определенное время показа (Комсомольская правда. 23.01.2016). В изученных материалах отсутствуют высказывания, осуждающие как тех, кто штурмует дверь, так и тех, кто, рискуя своим здоровьем, терпеливо стоит в очереди. Последним помогают делом: Спасатели развернули рядом с ЦДХ две полевые кухни и палатку для обогрева стоящих в очереди людей, сообщает ТАСС со ссылкой на пресс-службу московского управления МЧС. По словам представителя МЧС, кухни будут работать до закрытия галереи. <...> Людей, стоящих в очереди, будут поить чаем (РБК. 22.01.2016); **Очередь на Серова** у «Третьяковки» откармливают тушенкой и успокаивают психологами (Там же).

Незначительная группа комментированных ответов на актуальные вопросы передает коннотацию снисходительности. А. Архангельский замечает: *У наших людей есть привычка толкаться в очереди – что в музей, что к святыне, что за дефицитом* (Православие и мир. 23.01.2016). Мнение еще одного интеллектуала: *Событие было так распиарено с помощью прессы, рекламы и способом «одна гражданка говорила, что обязательно надо сходить»* (Российская газета. 25.01.2016). Типичное суждение: *Причина – цепная новостная реакция*.

Обсуждается также возможность бессознательного подчинения веянию моды: *...Искусство – не главное, важно поставить галочку в списке модных событий, – пишет К. Разлогов. Заразительным, по мнению журналистов, стал личный пример президента: 18 января выставку осмотрел Президент России. Конечно, визит главы государства прибавил проекту популярности. «Комсомольская правда» отмечает воздействие эффекта неожиданности: Путин удивил всех: по ходу экскурсии президент обнаружил хорошее знакомство с биографией художника, вставляя в рассказ экскурсовода реплики «Он академию ведь не закончил?» или «Он же у Репина жил?» <...> Рассказал, что знает интернет-фольклор* (Комсомольская правда. 20.01.2016). Уничижительно по отношению к дилетантам звучит комментарий директора научно-исследовательской независимой экспертизы им. П. Третьякова А. Попова: *Внимание руководителей государства важно: их пример позволяет заинтересовать публику, не разбирающуюся в искусстве. Благодаря визиту президента выставка освещалась во всех СМИ и напомнила людям об этом художественном событии* (Московский комсомолец. 23.01.2016).

Большая часть комментированных ответов на поставленный вопрос *Почему люди стоят в очереди?* содержит «эмоционально-эстетический довод». Тот же К. Разлогов признает, что в очереди на Серова люди стоят по зову души: *Уверен, что на выставку хотели попасть и те, кто искренне любит искусство*.

А вот голоса из очереди:

Интеллигентная дама обратилась к другой такой же:

– Нет, я тут впервые по электронному билету, еще успеть бы на совещание по работе.

– Ох, и мне тоже. Но **Серова нельзя пропустить**, правда?
– Конечно. **Такое раз в жизни бывает!** (Комсомольская правда. 23.01.2016).

В «очереди за прекрасным» стоят люди, в чьей памяти сохранились живые картины советского прошлого:

– Очереди не люблю с детства – аллергия. Со времен, когда курицу привозили в соседний магазин «Продукты» по талонам. Поэтому выставка Серова изначально не столько привлекала меня, сколько пугала – очередью. Но 24 января она закрывается, а очередь не убывает. <...> И потащила в мороз с утра пораньше **за прекрасным** (Там же).

По мнению многих, очередь на Серова возвышает, свидетельствуя о непреходящей силе «настоящих ценностей прошлого» [Мандельштам, с. 63]. Людьми движет неподдельный интерес, ожидание момента истинного счастья от соприкосновения с шедеврами:

– Кто последний на Серова? Не за колбасой... Не за джинсами, как когда-то. Очередь со времен СССР для меня – символ унижения. Мои дети не помнят и не поймут, каково это – стоять за зелеными бананами. Но тут – другое. Да, мы последние. Впереди – минимум две сотни человек. И мы – достойны! Ведь там, за дверями, портреты и зарисовки, великая Ермолова в полный рост. И «Девочка с персиками» – солнечная и вечно юная (Вечерняя Москва. 13.01.2016).

Другое – это то, что всегда ценили наши люди – эстетика прекрасного за границами обыденного: Что может быть более московским, чем очередь? Когда-то была «тихая, святая» очередь в Мавзолей. Потом – очередь за итальянскими сапогами в ГУМ, описанная молодым Владимиром Сорокиным. Потом – очереди 90-х за сахаром, водкой, гречкой. И вот прошли годы, и **снова очередь. За чем они стоят? Доллары меняют? Окорочка куриные выставляют? Нет. Это очередь на Серова** в Новой Третьяковке на Крымском Валу (И. Шамир. Персональный сайт. 22.01.2016). В очереди на Серова человек забывает о жизненных трудностях, а сама очередь в музей оценивается как показатель того, насколько искусство необходимо людям в сегодняшней очень непростой, очень стрессовой ситуации (Российская газета. 25.01.2016). Человек не раб обстоятельств. Он тянется к искусству, чтобы не утратить жизнерадостности. Он жаждет Увидеть Серова, чтобы жить (газетный заголовок), ибо встреча с подлинным искусством, эмоции и радость, которые оно дает, помогают **выжить и остаться человеком** (Российская газета. 25.01.2016).

Единый эмоциональный порыв, жизнеутверждающая тяга к прекрасному создают потребность в ощущении общности. Об этом пишет А. Архангельский: Сейчас наступает... период в жизни, долгий, трудный, и надо опять привыкать к испытаниям. Не хочется. Не хочется это предчувствовать. Хочется **взяться за руки, «чтоб не пропасть поодиночке»**. И вот люди «берутся за руки», собираясь **в очереди на Серова**. Неосознанно – это работает подсознательно

(Православие и мир. 23.01.2016). Энергия «общности через Серова» ощущается изнутри:

– *Это наша очередь. Это наши люди, которых не убить ничем. Студенты, школьники, учителя... Все стоят дружно, помогают друг другу* (Эхо Москвы. 25.01.20016).

Таким образом, советизм *очередь* приобретает культурно-фонový смысл, вмонтированный в ситуацию, которая осознается россиянами как шоковая. *Очередь на Серова* – неисчислимо множество людей, в течение нескольких часов добровольно стоящих на морозе в последовательном порядке (порядок стихийно нарушается) для приобщения к искусству живописи – источнику эстетического наслаждения, помогающего преодолеть жизненные трудности, ощутить радость общности единомышленников.

Осмысление шоковой ситуации сопровождается попытками дать ответ на вопрос: *почему именно Серов?*

При обращении за справкой к энциклопедическим словарям встречаем неизменное указание на самобытность живописных и графических работ Серова: «Жизненной свежестью, богатством пленэрного колорита отмечаются ранние произведения (“Девочка с персиками”, 1887; “Девушка, освещенная солнцем”, 1888). Портретам зрелого периода присущи отточенная выразительность и лаконизм, подчеркнутая острота характеристик (“М. Н. Ермолова”, 1905; “В. О. Гиршман”, 1910–1911); пейзажи... передают настроение тихой сосредоточенности, исторические композиции (“Петр I”, 1907) – энергию и созидательный дух персонажей. Отдельные поздние произведения близки к стилю модерн (“Ида Рубинштейн”, 1910). Мастер рисунка (“Басни Крылова”, 1895–1911)...» [Новый энциклопедический словарь, с. 1100]. В. Серов был членом Товарищества передвижных художественных выставок. Хрестоматийными стали портреты кисти Серова, отражающие эстетические принципы передвижников, прежде всего лежащие в основе творчества И. Е. Репина.

Приведем доводы очевидцев события. Стоящий в очереди преподаватель Строгановского училища обобщает мнение специалистов об экспозиции: *Больше столь полное собрание не увидеть. Здесь же представлено много графики Валентина Серова, которая не выставлялась раньше. Также очень много его этюдов. Это уникальная возможность увидеть процесс, всю кухню, а не только готовое произведение* (Московский комсомолец. 23.01.2016).

Бесспорность коллективного эстетического выбора поддерживается сравнением Серова с Пушкиным: *Как и Пушкин, он внятен нашему сердцу, но трудно поддается «переводу». Как и Пушкин, движется к лаконичности, точности – даже во фрагментах. Как и Пушкин, вел диалог с мировой культурой, будь то греческие мифы и Акрополь, портреты Веласкеса или открытия его современника Матисса...* (Российская газета. 25.01.2016). Искусствоведы говорят о синтетизме творчества художника: *Есть известные слова Грабара,*

что в историю творчества Серова, от «Девочки с персиками», написанной 22-летним человеком, до модернистского портрета Иды Рубинштейн, законченного им в 45 лет, укладывается **вся история русского искусства** того времени. Его смерть прервала какой-то невероятный путь на взлете... Сложнейший человек был. Это правда. Ср.: Серов – великий русский художник, который актуален сегодня. Может, он **наиболее универсальная фигура рубежа веков**. Даже на фоне мощного Репина и на фоне того влияния, которое оказали на мировое искусство XX века идеи и творчество Малевича... (Там же).

Ещё один аргумент, представленный А. Архангельским: картины Серова дают возможность нашим современникам увидеть красоту, яркость другой эпохи, погрузиться в иллюзию волшебного хрустального мира, подлинно русского мира: **Серов – это про любовь к яркой России. Эта яркая Россия, которой нам так не хватает в окружающем мире, которую мы на самом деле не помним в историческом прошлом, влечет к себе людей. И они, приходя на выставку, не только и, может стать, не столько смотрят на картины, сколько «причащаются» этой яркости, той России, которую они никогда не видели. Но увидеть – хотят.** А. Архангельский, как и другие аналитики, полагает, что Серов доступен, прошлое актуально, так как дает иллюзию общности через принадлежность к русскому великому искусству. Авангард слишком сложен, иконопись слишком давно, а Серов – это вроде бы и в прошлом, и недавно, великое и как будто понятное (Православие и мир. 23.01.2016). Ср.: Желание «ясности» и «простоты» (пусть мнимой), внятного разделения на добро и зло, желание мелодрамы (М. Липовецкий. COLTA. 16.02.2016).

Многократно подчеркивается не только глубина, но и демократизм портретиста: **На картинах Серова – самые блистательные и интересные люди того времени. <...> Демократичный в творчестве, не зажатый условностями академизма, он писал и представителей знати, и мощно поднявшееся купечество, и выдающихся деятелей русского искусства** (К. Воротынцева. Культура. 29.10.2015).

Серов – народный художник, разгадавший секрет русскости, воссоздавший красоту в её национальном видении. Именно поэтому его картины утоляют сегодня ностальгию по красоте, желание найти чего-то сверх того, что поняли о себе и себе в истории страны, сосредоточить аксиологические искания на ценностях, которые пробуждают «чувства добрые», заражают оптимизмом: **Открыть его пейзажи, от которых сжимается сердце. Увидеть его акварели, где с чистого листа с легким абрисом фигуры на вас глянут живые глаза. Замереть перед занавесом к дягилевской постановке «Шехерезады» в 1911 году – восточной «миниатюре» на 24 квадратных метра. Или просто остановиться перед «Девушкой с персиками». И жизнь снова покажется прекрасной** (Российская газета. 28.01.2016).

Эмоционально-эстетическое потрясение укрепляет веру в вечные ценности, неподвластные времени: **Потрясенные совершенно разным**

и будто не знакомым прежде Серовым, мы выходим на улицу и... И понимаем, что хочется идти дальше – чтобы увидеть что-то еще. Это желание узнавать **сродни лихорадке**. <...> И это хорошая «**лихорадка**». И **очередь**, в которой оказалось совсем не страшно стоять, **ведет не в прошлое, а в будущее**, не унижает, а **дает надежду** (Вечерняя Москва. 13.01.2016).

Особого внимания заслуживает ответ на вопрос: *Что показала очередь на самую ажиотажную выставку года?* (газетный заголовок) (Российская газета. 25.01.2016).

Метафора болезни (лихорадка, эпидемия) – повод задуматься над «русскими иррациональными мотивами» [Бердяев, с. 306]. Ментально мотивированы аксиологические суждения типа *Страсти по Серову – это по-русски; Всё в порядке в России, если стоит очередь за искусством*. Гиперболические оценки связаны с идеей уникальности, неповторимости ценностей русской цивилизации, исключительности русских и России: *Проходящие мимо Третьяковки иностранцы удивленно крутят головами, не в силах понять странного ажиотажа: Серов на Западе практически не известен. Что ж, Европе, хочется надеяться, вспомнившей о своем роскошном культурном наследии, предстоит сделать еще немало открытий, связанных с Россией* (Культура. 30.10.2015). В текстах СМИ частотными становятся утверждения о неистребимости русской духовности, которую воплощает очередь на Серова – символ русскости, погруженной в пространство прекрасного, отвергающей потребительскую психологию: *Очередь на Серова – Россия, которую мы не потеряли, – удивляет мир: **Россия показала миру, что настоящее искусство ничем не подменишь; Россия показала, что не курс доллара, не санкционка ее интересует, но высокое подлинное искусство*** (И. Шамир. Персональный сайт. 22.01.20016).

В составе дискурсивного целого формируется концептуальная метафора «очередь на Серова – это Россия» [см.: Баранов; Будаев, Чудинов; Лакофф, Джонсон и др.]. Парадоксальность образной параллели мотивируется стереотипным представлением об уникальности русских и России. Министр культуры РФ В. Мединский сближает понятийное содержание номинаций *страна* и *очередь*: *Мы, наверное, **единственная страна в мире**, где на выставку нашего великого художника, вдохновенную красотой русского образа, пейзажа, несколько месяцев на морозе будет стоять трехчасовая **очередь*** (Четверг (Омск). 28.01.2016).

Тенденциозность концептуализации, носящей пафосный характер, по закону карнавализации (М. М. Бахтин), состоящему в том, что «сакральное непременно переворачивается в профанное через осмеяние» [Карасик, с. 257], подвергается самоиронии. Подтверждается, с одной стороны, национальная черта русского человека – склонность к смеху [см.: Блажес, с. 7]; с другой стороны, раскрывается специфическая дуальная природа структуры русской культуры, проявляющаяся в отсутствии «нейтральной аксиологической сферы» [Лотман, Успенский, с. 338].

Поза исключительности, фигуры преувеличения высмеиваются в соцсетях. Типичный пример языковой игры: *Длина комментов к посту про очередь на Серова равна длине очереди на Серова*. Игровые высказывания адресованы широкой аудитории пользователей, ориентированной на разгадку подтекстных смыслов, выявление которых «опирается на общность апперцепционной базы» [Ермакова, 2005, с. 175] и базы эпистемологической, предполагающей наличие у автора и адресата общего культурного фонда, хранителем которого является национальный язык [см.: Бурвикова, Костомаров].

Объект иронии погружен в ощущаемый адресатом контекст реального текущего времени и пространства страны. Наблюдается, во-первых, игра актуальными смыслами, лежащими в основе сложившегося гиперболического представления о чрезвычайной шоковой ситуации; во-вторых, игра ценностными смыслами, лежащими в основе метафорической параллели *очередь на Серова – Россия*.

В первом случае формируется включающий набор мотивов тематический блок «Очередь на Серова: суровые будни», или *50 оттенков очереди на Серова*. Выделим основные игровые развороты темы:

– Кто и как долго стоит в очереди на Серова: *Согласно опросам общественного мнения, в очереди на Серова стоят 86 % россиян; Омич прожил в Москве четыре месяца, не покидая очередь на Серова; Полицейские спасли мужчину, которого 14 лет удерживали в очереди на Серова; тест на «Фейсбуке»: Узнай, кто ты в очереди на Серова; игра на «Медузе»: кликни на карте, где заканчивалась очередь на Серова в тот или иной момент времени*.

– Чрезвычайные происшествия: *В результате перестрелки в очереди на Серова погибли три человека, еще пятеро получили ранения; В очереди на Серова задержаны провокаторы из прорепинского движения «АнтиСеров»; В очереди на Серова провокаторы распространяют слух, что персик у девочки – турецкий*.

– Понимание и поддержка: *Доставка еды премиум-класса в очередь на Серова; Отважный фельдшер приняла роды в очереди на Серова, а музейные служители согрели младенца теплом своих тел; Тигр Амур и козёл Тимур были замечены в очереди на Серова: стоят вместе со всеми и время от времени устраивают игрища, чтобы люди немного согрелись*.

– Страсти по Серову: *По многочисленным сообщениям из Третьяковской галереи, автопортрет Серова, написанный в 80-х годах позапрошлого века, внезапно замироточил; Звонила сестра. Стояла четыре часа на морозе, а этот Серов даже не вышел*.

– Все имеет свое начало и свой конец: *Московские власти сообщают об окончании очереди на Серова*.

Как видим, объект смехового – жизненный материал, определивший не только характер события, но и бурный общественный резонанс.

Во втором случае формируется включающий набор мотивов тематический блок «Очередь на Серова в зеркале России». Представим основные игровые развороты темы.

– Вперед в прошлое: *В очереди на Серова найдена первая в сезоне берестяная грамота.*

– Угрозы Запада: *Госдеп вводит санкции против первой сотни **очередников на Серова**; Организация Объединённых Наций планирует направить международных наблюдателей для контроля ситуации с **очередью на Серова**.*

– Самодостаточность: *Путин высоко оценил потенциал **очереди на Серова**.*

– Международная реакция: *Франция и Германия выделяют квоты беженцам из **очереди на Серова**; Пограничные службы сообщают о пресечении незаконного ввоза в страну **очередей на Серова** из Китая.*

– Курсы валют: ***Очередь на Серова** перенесена к пунктам обмена валюты; **Очередь на Серова** достигла дна, эксперты ожидают отскок; **Очередь на Серова** рухнула на 400 процентных пунктов на фоне натюрмортов Анри Матисса «Фрукты и бронза».*

– Разрешения и запреты: ***В очереди на Серова** разрешена продажа алкоголя несовершеннолетним после 22:00; Мосгорсуд признал **очередь на Серова** экстремистской организацией; Роскомнадзор заблокировал **очередь на Серова**; Срочно: в результате проверок в Москве были закрыты 125 заведений с нелегальными **очередями на Серова**.*

– Несистемная оппозиция и акции протеста: *Фонд Навального заявил о начале расследования махинаций вокруг тендера на организацию **очереди на Серова**; Дальнбойщики присоединились к **очереди на Серова**.*

– Катастрофизм: ***Очередь на Серова** достигла дна; Путин назвал распад **очереди на Серова** величайшей геополитической катастрофой XX века.*

– Льготы: *Дети, рожденные в **очереди на Серова**, обслуживаются вне очереди; Участникам **очереди на Серова** выдадут удостоверения участника, по которым будут предоставлены льготы на оплату ЖКХ и проезд в столице.*

Объектом смехового оказываются болевые точки современного российского политического, правового, экономического, социального пространства. В подтексте возникает «ироническое отрицание» демонстрации величия и уникальности России [Ермакова, 2006, с. 153].

Интерес к изобразительному искусству стал приметой января наступившего 2016-го. В то время как очередь на Серова трактуется как ментальная загадка, резкий рост посещаемости (по тысяче человек в день) мультимедийной выставки «Ван Гог. Ожившие полотна» в шутку связывается с появлением текста песни «про лабутены»: *Лидеру «Группировки Ленинград» Сергею Шнурову, похоже, удалось затмить славу художника Серова и передать ее художнику Ван Гогу (Собеседник. 03.02.2016).* Действительно, группа «Ленинград» про-

должила очередное обыгрывание ажиотажной выставки и представила вариант песни с актуальным куплетом про выставку Серова: *Водил меня Серега / На выставку Ван Гога, / Потом ходила с Вовой / На выставку Серова.*

Номинирующее прецедентную ситуацию словосочетание *очередь на Серова* становится устойчивым, получает свое развитие в культурно-языковом пространстве современной России. Оно активно используется для формирования аналогий, позволяющих осмыслить ценностное наполнение различных культурных событий. Например: *Волгоградский ответ «очереди на Серова»; Своя «очередь на Серова» появилась в Иванове: в ИОХМ открылась выставка известного живописца Руфэля Михайлова; «Очередь на Фриду Кало» стала локальной версией «очереди на Серова»; На Серова – так очередями, за классической музыкой – всем городом; «Очередь на Серова» перешла в филармонию; Очередь за «маслом»; Самые ожидаемые художественные выставки 2016 года.*

В заключение подчеркнем, что *очередь на Серова* позволила выявить такие грани русскости, как устойчивость дихотомии рационального и иррационального, восприятие иррационального как должного, склонность к сомышлению, сочувствию, сопереживанию, сочетание терпеливости и эмоциональной несдержанности, примат духовного над материальным, стремление заразиться энергией общего эмоционально-эстетического выбора. Словосочетание *очередь на Серова* вошло в современный русский язык как аксиологически маркированный вербальный знак, символизирующий феномен русскости.

Список литературы

Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М. : Языки славянской культуры, 2014. 632 с.

Бердяев Н. А. Истоки и смыслы русского коммунизма // Бердяев Н. А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Сварог и К, 1997. С. 245–412.

Блажес В. В. Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. 202 с.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М. : Флинта ; Наука, 2008. 248 с.

Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г. Единицы лингвокультурного пространства в аспекте проблемы толерантности // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. М. : Олма-Пресс, 2005. С. 419–433.

Вережагин Е. М., Костомаров В. Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1999. 84 с.

Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга : КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. 204 с.

Ермакова О. П. Ирония – язык вражды или язык согласия? // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 151–156.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б. А. Избр. тр. : в 2 т. 2-е изд. М. : Языки русской культуры, 1996. Т. 1. С. 338–380.

Мандельштам О. Э. Воспоминания. Шум времени / сост. М. П. Николаев. М. : АСТ, 2016. 288 с.

Мокшенко В. М., Никитина М. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

Новый энциклопедический словарь / гл. ред. А. П. Горкин. М. : Большая Российская энциклопедия ; Рипол Классик, 2001. 1456 с.

Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1938. Т. 2. 1040 с. (ТСУ).

References

Baranov, A. N. (2014). *Deskriptornaya teoriya metafory* [The Descriptive Theory of Metaphor]. 632 p. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Berdyaev, N. A. (1997). *Istoki i smysly russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. In Berdyaev, N. A. *Filosofiya svobody. Istoki i smysl russkogo kommunizma* (pp. 245–412). Moscow, Svarog i K.

Blazhes, V. V. (1987). *Satira i yumor v dorevolutsionnom fol'klore rabochikh Urala* [Satire and Humour in the Prerevolutionary Folklore of Ural Workers]. 202 p. Sverdlovsk, Izdatelstvo Uralskogo universiteta.

Budaev, E. V. & Chudinov A. P. (2008). *Metafora v politicheskoy kommunikatsii* [Metaphor in Political Communication]. 248 p. Moscow, Flinta, Nauka.

Burvikova, N. D. & Kostomarov, V. G. (2005). *Edinitsy lingvokul'turnogo prostranstva v aspekte problemy tolerantnosti* [Elements of Linguo-cultural Space in the Aspect of Tolerance Issue]. In Kupina, N. A. & Khomyakov, M. B. (Eds.). *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* (pp. 419–433). Moscow, Olma-Press.

Gorkin, A. P. (Ed.). (2001). *Novyy entsiklopedichesky slovar'* [A New Encyclopaedic Dictionary]. 1456 p. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, Rpol Klassik.

Ermakova, O. P. (2005). *Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka* [Irony and Its Role in the Life of a Language]. 204 p. Kaluga, KGPU im. K. E. Tsiolkovskogo.

Ermakova, O. P. (2006). *Ironiya – yazyk vrazhdy ili yazyk soglasiya?* [Irony – the Language of Hostility or the Language of Harmony?]. In Vepreva, I. T., Kupina, N. A. & Mikhaylova, O. A. (Eds.). *Yazyk vrazhdy i yazyk soglasiya v sotsiokul'turnom kontekste sovremennosti* (pp. 151–156). Yekaterinburg, Izdatelstvo Uralskogo universiteta.

Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. 477 p. Volgograd, Peremena.

Lakoff, G., Johnson, M. (2004). *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. 256 p. Moscow, Editorial URSS.

Lotman, Yu. M. & Uspensky, B. A. (1996). *Rol' dual'nykh modeley v dinamike russkoy kul'tury (do kontsa XVIII veka)* [The Role of Dual Models in the Evolution of Russian Culture (before the Late 18th Century)]. In Uspensky, B. A. *Izbrannye trudy : v 2 t. Vol. 1*. Pp. 338–380. 2nd ed. Moscow, Yazyki Russkoy Kul'tury.

Mandelstam, O. E. & Nikolaev, M. P. (Comp.). (2016). *Vospominaniya. Shum vremeni* [Memoirs. The Noise of Time]. 288 p. Moscow, AST.

Mokienko, V. M. & Nikitina, M. G. (1998). *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdepii* [An Explanatory Dictionary of the Language of Sovdepia]. 704 p. Sankt Petersburg, Folio-Press.

Ushakov, D. N. (1938). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [An Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 2. 1040 p. Moscow, Izdatelstvo inostrannykh i natsional'nykh slovary.

Vereshchagin, E. M. & Kostomarov, V. G. (1999). *V poiskakh novykh putey razvitiya lingvostranovedeniya: kontseptsiya reche-povedencheskikh taktik* [In Search of New Ways of Development for Linguistic and Cultural Studies: The Concept of Speech and Behavioural Tactics]. 84 p. Moscow, Gosudarstvenniiy institut russkogo yazyka imeni A. S. Pushkina.

The article was submitted on 06.04.2016